

УДК 94(47).01

ТАКТИКА РАННИХ СЛАВЯН И «СТЕНА» СВЯТОСЛАВА В «ИСТОРИИ» ЛЬВА ДИАКОНА (к проблеме военно-технической революции в Восточной Европе в IX – X вв. и образования Древнерусского государства)

**А.Н. ЩЕНДРЫГИН
В.В. ПЕНСКОЙ**

*Белгородский государственный
университет*

e-mail: silence_era@mail.ru

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Вопросы военной истории раннего Средневековья в отечественной историографии длительное время оставались на периферии сферы научных интересов профессионального исторического сообщества. В настоящее время в связи с возросшим интересом общества к историческим проблемам, в т.ч. и связанным с историей военного дела, есть все основания для того, чтобы уделить им большее, чем ранее, внимание. В данной статье рассматриваются малоизученные в отечественной историографии вопросы, связанные с развитием вооружения и тактики восточных славян во 2-й пол. I тыс. н.э. Авторами статьи предпринята попытка с учетом последних достижений российской и зарубежной исторической науки дать целостное представление о развитии военного дела восточных славян во взаимосвязи с переменами в их политическом устройстве и показать роль норманнов в этом процессе.

Ключевые слова: Европа в раннем Средневековье, восточные славяне, образование Древнерусского государства, история военного дела.

Проблемы, связанные с историей развития военного дела раннесредневековых славян, в т.ч. и восточных, в до- и раннегосударственный период, несмотря на кажущееся обилие больших и малых работ по этому вопросу¹, тем не менее, представляются весьма далекими от разрешения. Причин тому несколько. С одной стороны, трудно не согласиться с мнением А.К. Нефедкина, который связывал слабую изученность этого вопроса с явным недостатком письменных источников и скудностью археологических материалов, которые в силу этого могут полагаться только в качестве вспомогательных при анализе первых². С другой стороны, несомненно также и влияние сложившегося с течением времени общего невнимания отечественной исторической науки к проблемам истории военного дела.

Между тем такое пренебрежительное отношение к вопросам, связанным с развитием военного дела, в особенности у варварских народов раннего Средневековья, явно ошибочно, особенно если учесть то воздействие, которое оказали войны на становление раннесредневековых государств³. Не утратило своей значимости и замечание, сделанное почти полтора столетия назад Ф. Энгельсом, отметившим взаимосвязь между изменениями в экономическом строе общества (и, следовательно, в со-

¹ См., например: Арциховский А.В. Русское оружие X – XIII вв. // Московский ордена Ленина государственный университет им. М.В. Ломоносова. Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. 4. М., 1946; Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX – XV вв. // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. I. М.-Л., 1947; Рыбаков Б.А. Военное дело (стратегия и тактика) // История культуры Древней Руси. Т. I. М.-Л., 1951. С. 397-416; Разин Е.А. История военного искусства. Т.2. М., 2000. С. 42-63 и др.

² Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов) // Византийский временник. 2003. № 62 (87). С. 79.

³ О роли войны в истории раннеклассовых и предклассовых обществ и значении войны для процессов политогенеза см.: Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. С. 19, 25-26, 28-30 и далее; Шнирельман В.А. Война и мир в традиционных обществах. М., 1992. С. 4-5 и далее.

циально-политическом устройстве) и в военном деле⁴. Как отмечали отечественные оружейеды А.Н. Кирпичников и А.Ф. Медведев, «...анализ предметов боевой техники закономерно приводит к постановке ряда широких вопросов, связанных с производством, использованием и развитием комплекса вооружения, снаряжением родов войск, оснащением армии на отдельных исторических этапах, международными культурными влияниями в сложении военной техники...»⁵. Следовательно, наблюдения за развитием военного дела, изменениями в тактике и стратегии (насколько эти термины приложимы к характеристике военного искусства той эпохи), комплексе защитного и наступательного вооружения и пр., позволяют сделать определенные выводы относительно изменений в самом обществе, его социальном, политическом, культурном устройстве.

Восточные славяне отнюдь не являются исключением в этом вопросе. Примечательно, что А.Н. Кирпичников и А.Ф. Медведев, касаясь проблем анализа развития комплекса вооружения восточных славян, писали, что «...большинство форм и видов оружия IX – X вв. не имеют местных корней в культуре предшествующей поры. Объясняется это тем, что боевые средства славян VI – VII вв. были весьма скудными и в этом смысле ни в какое сравнение не идут с тем, что появляется в киевский период. У обитателей Восточной Европы середины I тысячелетия н.э. преобладали лук и стрелы, метательные дротики; мечи, шлемы и кольчуги почти отсутствовали...»⁶. Между тем комплекс вооружения, в равной степени наступательного защитного, именно в эти два столетия, IX и X, радикально изменяется и складывается столь привычный нам внешний облик древнерусского воина⁷. От себя мы добавим, что в это время формируется и Древнерусское государство, и совпадение двух этих процессов при пристальном рассмотрении отнюдь не смотрится таким уж случайным.

Трудно не согласиться с выдвинутым А.Н. Кирпичниковым тезисом о том, что «прогресс вооружения нередко определял тактику боя и перевороты в способах его ведения»⁸. Но если принять его в качестве аксиомы, то тогда вполне закономерно встает вопрос – а сопровождался ли такой прогресс в комплексе вооружения восточных славян аналогичными серьезными переменами в тактике? И, абстрагируясь от частных случаев, ответ на него, по нашему мнению, может быть только утвердительным – да, в военном деле славян Восточной Европы действительно произошла не только «техническая революция» (термин А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева)!

Для начала определимся с тем, каким был комплекс вооружения восточных славян в VI – VIII вв. При попытках проанализировать состояние военного дела у восточнославянских племен в это время неизбежно возникает серьезная проблема – как сочетать сведения, которые дает археология, с данными письменных источников? Ведь не секрет, что относительно особенностей развития военного дела славян догосударственного периода наиболее информативны византийские источники, особенно VI – нач. VII вв. Но они повествуют о славянских племенах, непосредственно граничивших с Империей, т.е. расселившихся в ходе Великого переселения народов в Подунавье, тогда как племена, вошедшие в состав Киевского государства, жили много севернее. Однако мы полагаем, что положение отнюдь не является абсолютным безвыходным. Во-первых, есть все основания вслед за А.К. Нефедкиным полагать, что у разных народов «примерно на одинаковых стадиях развития складывались сходные общественные институты и нормы поведения (включая организацию военного дела)» и, как следствие, можно прибегнуть к использованию сравнительно-исторического

⁴ См., например: Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 171. Ср.: Кирпичников А.Н. Опыт изучения вооружения средневековой Руси // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 319-320.

⁵ Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 320.

⁶ Там же. С. 320.

⁷ См., например: Кирпичников А.Н. Опыт изучения вооружения средневековой Руси... С. 320.

⁸ Там же. С. 319.

метода.⁹ Во-вторых, на протяжении VI – нач. VII вв. византийцы имели дело преимущественно с антами и склавинами¹⁰, славянство которых не вызывает сомнений, равно как и их связи с другими восточнославянскими племенами¹¹. Следовательно, с определенной степенью уверенности можно утверждать, что присущая антам военная культура была свойственна в большей или меньшей степени и другим славянским племенам, в т.ч. и восточным. Следовательно, византийские описания вооружения и тактики славян могут быть использованы и для характеристики военного дела славян той эпохи (тем более что и свидетельства арабских авторов, относящиеся к недунайским славянам, подтверждают это).

Для начала приведем выдержку из сочинения готского историка Иордана. Повествуя о событиях 2-й пол. IV в. н.э. и о деяниях полулегендарного готского короля Германариха, он писал, что «...после поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, однако могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоило великое множество негодных для войны, особенно в том случае, когда и Бог попускает и множество вооруженных подступает...» (*Iordanis*. § 119). Примечательно, что противопоставляя готов и венетов (которых он полагал предками известных из византийских источников антов), готский хронист подчеркивал слабость и недостаточность их, венетов, вооружения, что и способствовало их поражению в войне с готами. Теоретически можно допустить, что это не более чем литературный прием. Однако результаты исследования археологических памятников зарубинецкой, киевской и черняховской культур, так или иначе связанных с событиями, описанными у Иордана и в формировании которых принимали участие праславяне, свидетельствуют об их бедности на оружие. Подавляющее число находок предметов вооружения составляют наконечники копий и стрел¹².

Более определенно характеризуют вооружение славян Прокопий Кесарийский и автор «Стратегикона» (традиционно считается, что им был византийский император Маврикий, правивший в 582–602 гг.). Реалии, отраженные в этих трактатах, были свойственны, судя по всему, славянам в сер. – 2-й пол. VI в. н.э. Прокопий, описывая вооружение славян, подчеркивал его чрезвычайную легкость – «вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают» (*De bello Gotico*. III. 14)¹³. О том же самом говорит и автор «Стратегикона»: «Каждый мужчина (славянский – **Щ.А.**, **П.В.**) вооружен двумя небольшими дротиками, а некоторые из них и щитами, крепкими, но трудно переносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом...» (*Mauric*. XI. 4). Из контекста дальнейшего рассказа автора этого военного трактата следует, что славяне в массе своей не имели доспехов¹⁴. Примечательно, что Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории», говоря о славянах конца VI в., также указывал на то, что они вооружены 2-3 лонхидия-

⁹ Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в... С. 85.

¹⁰ См., например: Литаврин Г.Г. Славини VII – IX вв. – социально-политические организации славян // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 519, 521.

¹¹ См.: Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 191, 195, 204-205, 223, 227, 253, 261-263, 312, 542, 547-549.

¹² См.: Магомедов Б. Черняховская культура: проблема этноса // *Monumenta Studia Gothica*. Т. I. Lublin, 2001. С. 77-81; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. С. 28-29, 50, 113, 146.

¹³ Нами был использован перевод текста «Войны с готами», сделанный С.П. Кондратьевым. Этот же отрывок в переводе Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского звучит несколько иначе: «Вступая в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают...» (Гиндин Л.А. и др. Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. I. М., 1994. С. 185.).

¹⁴ «В сражениях для них (славян – **Щ.А.**, **П.В.**) губительны метания стрел, ... рукопашные бои пехоты, особенно псиллов (легковооруженной византийской пехоты, преимущественно метателей – **Щ.А.**, **П.В.**)...» (*Mauric*. XI. 4).

ми-дротиками (*Jon. Ephes. Hist. Eccl. III. 6, 25*)¹⁵. Далее, автор т.н. «Пасхальной хроники», повествуя об осаде Константинополя, предпринятой аварами и их подданными славянами в 626 г., называет славян легковооруженными воинами, завязывающими бой¹⁶. Прошло два с половиной столетия, и арабский географ Абу Али Ахмад ибн Умар Ибн Русте (больше известный как Ибн Русте), говоря о славянах, характеризует их как преимущественно пехотинцев и подчеркивал, что «их оружие – дротики, щиты и копья, а другого у них нет»¹⁷. И хотя многие специалисты датируют эти сведения Ибн-Русте последней четвертью IX в., очевидно, что они относятся к более раннему времени, так как между описываемыми событиями и записью сведений о них, сделанной Ибн Русте, прошел определенный промежуток времени.

Т.о., из письменных источников следует, что славяне в VI – VIII и на протяжении большей части IX вв. в случае войны выставляли преимущественно легковооруженную пехоту и немногочисленную конницу, и это подтверждается данными археологии¹⁸. Примечательно и то, что металлургия и железодельательное производство у славян в это время были развиты достаточно неплохо¹⁹, однако же предметов оружия находится немного. Очевидно, что если бы у славян той эпохи уже сформировалась бы характерная воинская культура, свойственная, к примеру, кельтам или германцам, то находок оружия было бы не в пример больше, и сам набор вооружения был бы богаче, чем тот, что мы имеем на сегодняшний день.

В соответствии с комплексом вооружения была и тактика славян. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, так как это уже было сделано А.К. Нефедкиным²⁰, отметим лишь, что на поле боя для них было характерно стремление вести дистанционный бой посредством метания дротиков, прикрываясь щитами (обычными и/или стационарными ростовыми – этот вопрос требует дополнительного изучения). Лук, который, судя по всему, был обычным охотничьим, использовался достаточно редко, и еще реже славяне переходили к рукопашному бою, к которому они не были готовы ни технически (из-за отсутствия в сколько-нибудь большом количестве доспехов и холодного оружия ближнего боя – боевых топоров, мечей, кинжалов и больших ножей типа германских скрамасаксов), ни психологически (слой профессиональных воинов у них, судя по всему, еще только начал формироваться²¹). Отсюда естественным образом вытекала и «большая» тактика славян, уклонявшихся от «правильных» сражений в открытом поле строй на строй и стремившихся к «малой» войне на пересеченной местности, в лесах, стремнинах и узкостях с ее неожиданными нападениями из засад, изматыванию неприятеля набегами внезапными атаками и т.п.

¹⁵ «Люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями [мест] и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья» (Иоанн Эфесский. Церковная история. Пер. Серикова Н.И. // Гиндин Л.А. и др. Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. I. С. 279).

¹⁶ Пасхальная хроника. Пер. С.А. Иванова // Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. II. М., 1995. С. 77. Примечательно, что о славянах как застрельщиках сражения у авар говорит и т.н. «Хроника Фредегара» применительно к 20-м гг. VII в. (*Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri quattuor. IV. 48*).

¹⁷ Ибн Русте. Книга дорогих драгоценностей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. М., 2009. С. 45. Ср.: Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар Ибн-Дада. СПб., 1869. С. 31). Эти сведения о славянах вслед за Ибн Русте повторили и многие другие арабские и персидские географы – например, в трактате «Худуд ал-'алам», написанный столетием спустя, или в сочинении Гардизи «Краса повествований» (30-е гг. XI в.). См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. С. 54, 57).

¹⁸ О вооружении восточных славян V – VIII вв. см., например: Археология Украины. Т. 3. Киев, 1986. С. 145, 170-171, 184, 199, 206; Археология Беларуси. Т. II. Минск, 1999. С. 310, 331-332, 342-343, 355, 400, 406, 416.

¹⁹ См., например: Археология Украины. Т. 3. С. 150, 163-164; Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. М., 1982. С. 240-241; Археология Беларуси. Т. II. С. 335.

²⁰ См.: Нефедкин А.К. Тактика славян в VI в... С. 79-91.

²¹ См., например: Горский А.А. Древнерусская дружина (к истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 26-27; Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. С. 247.

Резким контрастом с этими описаниями выглядит информация византийского историка 2-й пол. X в. Льва Диакона, и не доверять его свидетельствам нет оснований. Хотя он сам, видимо, и не участвовал в походе Иоанна Цимисхия на Дунай, однако, как отмечал М.Я. Сюзюмов, «все подробности о боях и наружности Святослава он заимствовал из устных показаний очевидцев и из какого-то официального источника»²². В своей «Истории» уже в первом описании воинов Святослава он сообщает, что они вооружены щитами и мечами (*Leo Diac.Hist. V. 2*). Регулярно Лев Диакон упоминает и воинов-русов в кольчугах, шлемах, вооруженных мечами, боевыми топорами и длинными копьями (*Leo Diac.Hist. VI. 11-13; VIII. 6; IX, 2, 5, 8*). Примечательно, что радикальные изменения во внешнем виде воинов, сражавшихся под знаменами Святослава, в сравнении со славянскими воинами более раннего периода, подтверждаются и данными археологии. Подсчеты, сделанные А.Н. Кирпичниковым почти столетия назад, показывают, что к тому времени в ходе раскопок было обнаружено 108 мечей, 17 сабель, 9 скрамасаксов, 290 наконечников копий и 13 сулиц, 211 боевых топоров, 27 кольчуг и 8 шлемов, относящихся к X – XI вв.²³. За относительно короткий период количество находок оружия возрастает в разы, а некоторые, например, шлемы, и вовсе появляются впервые – так, А.Н. Кирпичников писал, что «датировать находки шлемов на Руси можно примерно тем же временем, когда о них впервые сообщают византийские и русские письменные источники. О боевых наголовьях более раннего периода можно строить только догадки. Находки шлемов VI, VII, большей части VIII в. на территории Восточной Европы неизвестны». Более того, оружейвед отмечал, что «экземпляры (шлемов – **Щ.А., П.В.**) X в. не имеют непосредственной связи (выделено нами – **Щ.А., П.В.** Очень важное замечание!) со шлемами предшествующего периода...»²⁴.

Не менее радикальными стали и перемены в тактике, «большой» и «малой». Если ранее византийские авторы сообщали, что славяне «...ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном строю не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают» (*Mauric. XI. 4*), то теперь все выглядело совершенно иначе. Тот же Лев Диакон неоднократно подчеркивал, что русы Святослава не только не избегают рукопашного боя. Напротив, они стремятся к нему, видят в нем едва ли не единственный способ решить исход войны и битвы (*Leo Diac.Hist. V. 2; VI. 12-13; VIII. 4, 72, 9-10; IX. 2, 5-6, 8-10*. Ср. высказывание автора «Стратегикона»: «Светловолосые народы (германцы – **Щ.А., П.В.**) ... решительно вступают в рукопашную схватку и верхом, и в пешем строю...» (*Mauric. XI. 3*). При этом, что характерно, русы сражались в глубоком сомкнутом строю, который Лев Диакон сравнивает с византийской фалангой, пешей или конной (см., например: *Leo Diac.Hist. VIII. 9; IX. 8*). О стремлении русов к рукопашному бою и об их тяжелом вооружении (копье, щит, меч, «оружие наподобие кинжала» – скрамасакс?) говорит в описании их нападения на Барда'а в 943-944 гг. и перс ибн Мискавайх²⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что Диакон сравнивает строй руссов в сражении под Доростолом со стеной (*Leo Diac.Hist. VIII. 9*). Случайно ли такое сравнение? Не связано ли оно с хорошо известной из истории военного дела раннесредневековых германцев и скандинавов «стеной щитов» (древнеангл. *Scildburh*)? В пользу такого предположения говорит очень многое. Случайным ли является то, что переворот в военном деле на востоке Европы совпадает по времени с началом активной норманнской экспансии в этом регионе?²⁶ Случайным ли является совпадение

²² Сюзюмов М.Я. Лев Диакон и его время // Лев Диакон. История. М., 1988. С. 145.

²³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1 // Свод археологических источников. Е 1-36. М.-Л., 1966. С. 23, 71, 91-93; Вып. 2. М.-Л., 1966. С. 16, 40, 99; Вып. 3. Л., 1971. С. 8, 83-84.

²⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 22.

²⁵ Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. С. 101.

²⁶ См., например: Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 286; Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 35-41 и др.

многих обычаев и нравов, воинской культуры русов, противопоставляемых и византийскими (например, Константином Багрянородным), и арабскими авторами славянам²⁷, с обычаями и нравами скандинавов²⁸ Даже такая, казалось бы, малозначимая, но вместе с тем говорящая в пользу такого предположения деталь, как описание одежды русов. Они, по словам ибн Русте, «носят широкие шаровары, на которые идет по сто локтей материи», и на изображении скандинавского всадника на погребальном камне с острова Готланд мы также можем видеть точно такие же шаровары²⁹. Одним словом, слишком много совпадений, чтобы все это могло считаться случайностью.

Но если отмеченные совпадения вовсе не являются случайностями, а отражают некую историческую закономерность, то, в таком случае, перед нами не просто военно-техническая революция, но речь необходимо вести о подлинной, хотя и локальной, военной революции. Классическая концепция военной революции, сформулированная М. Робертсом и уточненная Дж. Паркером, связывает воедино изменения в военной, социальной и политической сферах³⁰. В нашем же случае переворот в военном деле был связан с переходом от тактики ведения дистанционного боя в рассеянных боевых порядках с применением метательного оружия, главным образом дротиков, к тактике ближнего боя, в котором намного большее, чем ранее, внимание уделялось рукопашному бою. В пользу этого свидетельствует, в частности, отмеченное выше резкое увеличение числа находок защитного вооружения. Между тем, как отмечал В.А. Шнирельман, «...археологические данные о защитном вооружении имеют принципиальное значение. Ведь если функции ранних видов оружия (охотничьи или боевые) плохо различимы, то защитное вооружение, безусловно, свидетельствует об относительно регулярных вооруженных столкновениях. Кроме того, защитное вооружение в тенденции коррелируется с достаточно дифференцированным обществом, развитием систем более или менее централизованной власти, появлением воинов-профессионалов и т. д. (выделено нами – Ш.А., П.В.)...»³¹.

И здесь мы подходим к важному следствию, вытекающему из выделенных нами слов. Серьезнейшие изменения в комплексе оборонительного и наступательного вооружения, произошедшие в исторически очень короткий срок, способствовали, как было показано выше, не менее радикальным переменам в тактике, и вызваны были они явным скандинавским влиянием. Однако именно IX, особенно 2-я его половина, и X вв. – время, когда закладывались основы древнерусской государственности, формировалась характерная «дружинная» культура и «дружинное» государство (термин Е.А. Мельниковой), т.е. происходили процессы, в которых скандинавы сыграли зна-

²⁷ Самые яркие высказывания по этому поводу см.: Гардизи. Краса повествований. С. 58; Ибн Русте. Книга дорогих драгоценностей. С. 48; De admin. imp. 9.

²⁸ Ср. высказывание А.Я. Гуревича, писавшего, что «идеал скандинавского героя – умереть молодым и полным сил, с мечом в руках; лучшая смерть – в бою, после нее он немедленно отправляется в Валгаллу к Одину, где возобновятся пиры и поединки» и подчеркивавшего «необузданное самоутверждение северного «варвара», с легкостью обнажавшего оружие и готового пролить кровь человека, который затронул его доброе имя», с характеристикой, даваемой русам тем же ибн Мискавайхом, ибн Русте, автором «Худуд ал-'алам» или Львом Диаконом (Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005. С. 121, 135; Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий ... С. 101, 105; Ибн Русте. Книга дорогих драгоценностей. С. 49; *Leo Diac. Hist. VI. 10; IX. 6-8.* Ср. : Худуд ал-'алам. С. 55).

²⁹ Ибн Русте. Книга дорогих драгоценностей. С. 49. Рисунок на камне см., например: Каинов С., Федоров О. Скандинавские наемники на Руси. Конец IX – середина XI веков // Военная иллюстрация. 1998. № 1. С. 5.

³⁰ См.: Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800. Cambridge, 1988. P. 43; Roberts M. The Military Revolution, 1560-1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L., 1967. P. 195-196, 198, 207-208, 213, 218.

³¹ В.А. Шнирельман. У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. С. 36.

чительную роль³². Напрашивается вывод – скандинавы не только сыграли важную роль в военно-техническом перевороте и военной революции на востоке Европы, но и сумели закрепиться здесь в качестве правящей верхушки, ускорив в результате этого процесс формирования единого Киевского государства³³. И неважно, что их было немного – достаточно было всего лишь нескольких сотен профессиональных, хорошо вооруженных воинов, обладающих определенным военно-техническим и организационным преимуществом над разрозненными восточно-славянскими и финно-угорскими племенами, чтобы в случае необходимости навязать им свою волю.

TACTICS OF EARLY SLAVS AND "WALL" OF SVIATOSLAV IN "HISTORY" OF LION DIACON (To a problem of military-technical revolution in Eastern Europe in IX - X centuries and formation of the Kievan state)

**A.N. SHCHENDRYGIN
V.V. PENSKOY**

Belgorod State University

e-mail: silence_era@mail.ru

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Questions of military history of the early Middle Ages in a Russian historiography remained on periphery of sphere of scientific interests of professional historical community in the long time. There are all bases to give to them greatest, than earlier, attention in connection with the increased interest of a society to historical problems, including and connected with history of warfare now. This article is devoted the questions connected with development of the weapon and tactics of east Slavs in second half of I millenium A.D. , which it is badly studied in Russian historical science. Authors of article attempt taking to give complete representation about development of warfare of east Slavs in interrelation with changes in their political system and to show a role of Normans in these processes into account last achievements of the Russian and foreign historical science.

Key words: Europe in early Middle Ages, Eastern Slavs, Sormation of ancient Russian state, history of warfare.

³² См., например: Горский А.А. Древнерусская дружина. – С. 27-29; его же. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 46-48, 109-110; Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993. М., 1995. С. 45-46; Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993. С. 21-22.

³³ «Одна из черт сложившегося в Восточной Европе государства все же может быть связана в значительной мере с деятельностью норманнов. Это объединение всех восточных славян в одно государственное образование... Если бы в конце IX столетия не произошло объединение земель по пути из «варяг в греки» (из Балтийского моря в Черное по рекам Восточной Европы) под единой властью (которое вряд ли было бы возможно без сильного варяжского дружинного контингента), вероятно, в восточно-славянском регионе сложилась бы, по крайней мере поначалу, также полицентричная государственная система...» (Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. С. 48-49).